

Внемли мне, Рим: я пою в твою честь!

Пожелайте успеха, граждане, замыслу:

Пусть справа мне птица поет!

(Секст Петроний. Элегии. 4.1)

Современное искусство представляет собой нечто отвратительное. Фрагментарность, отсутствие содержания, разрушение формы – характерные симптомы того, что художественные критики условно именуют поставангардом.

Одна из главных причин эстетического упадка состоит в утрате имперских и расовых ценностей, пронизывавших некогда общественный порядок. Ведь Империя это не только политическая реальность. Она имеет и эстетическое измерение. Прекрасный пример тому – античный Рим эпохи принципата Августа.

Римская государственность, как известно, была основана нордическими героями, которые вытеснили из приальпийских долин южные племена. Республиканский Рим длительное время был бастионом расовой чистоты, отстаившим свое право на существование в длительной борьбе со средиземноморскими расами. В середине V в. был сделан шаг навстречу распаду: власти разрешили смешанный брак между патрициями и плебеями, что стало первым этапом расового хаоса. В 300 г. до н.э. были приняты законы, допускающие выбор плебеев в состав жреческих коллегий. Наконец, в

287 г. до н.э. было подтверждено, что плебисциты (т.е. решения плебейских собраний) обязательны для всех граждан, в том числе и для патрициев. Так за время республиканского правления расовая элита Рима пришла к истощению.

Уже Юлий Цезарь осознавал, что устаревшая республиканская форма правления рано или поздно обречет римское государство на гибель. Но, даже бросив жребий и перейдя Рубикон, Цезарь оставался консерватором, чуждым высшего имперского императива. И только с приходом его преемника, Октавиана Августа, этот императив нашел свое воплощение.

Август положил конец гражданским войнам и вернул Италии мир. Кроме того, явил собой принципиально новый тип властителя, соединившего авторитарную власть со строгой законностью. Он был тем, кто на деле возвратил Рим к универсальным нормам солнечной, нордической Традиции. Далеко не случайно Август был признан сыном Аполлона, златокудрого гиперборейского бога, грядущего из северных пределов на колеснице, запряженной лебедями.

По сути это была подлинная аристократическая реакция, направленная на реставрацию утраченных ценностей. Следует упомянуть и о фактически евгенических мероприятиях, предпринятых Августом. Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» пишет что, Август считал особо важным «чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август). Большое внимание уделялось укреплению семьи, проводились компании против безбрачия, создавались льготы для граждан, имеющих трех и более детей.

Возрождение традиций, уважение к религиозным церемониям, чистота крови, прославление доблести, трудолюбие становятся отличительными чертами культурного строительства того времени.

Во времена Республики литература была лишь элементом досуга, и на поэтов смотрели зачастую как на шарлатанов и праздных гуляк. Определенного развития достигло ораторское искусство, которое постепенно превратилось в самоцель и утратило связь с

жизнью.

В эпоху Августа положение меняется. Произведения поэтов изучаются в школах, звучат в залах рецитации, поэзия занимает подобающее место. Она перестает быть делом самодостаточной, эстетствующей прослойки и превращается в мощное орудие имперского строительства.

Важную роль в деле становления нового искусства сыграл кружок Гая Мецената.

Гай Меценат происходил из небогатого, но знатного рода. Поклонник философии Эпикура, приближенный Августа, он не раз оказывал ему дипломатические услуги, содействовал заключению мира с Секстом Помпеем и брундийского мира с Антонием. После победы Августа, Меценат отошел от политики, однако, Август продолжал прислушиваться к его советам. Поэтическое наследие Мецената почти не сохранилось. Однако среди своих современников он разглядел и привлек к себе самых талантливых поэтов: Вергилия, Горация и Проперция. В 30-х гг. до н.э. вокруг них сплотился литературный кружок, в который входили также драматурги Варий и Фунданий, критики Аристей Фуск и Квинтилий Вар. Этот кружок, ставший центром литературной жизни Рима, вошел в историю как «кружок Мецената».

Становление кружка сопровождалось упорной борьбой с эпигонами древней республиканской литературы. В жизнеописании Вергилия, составленном Светонием, мы встречаем свидетельство многочисленных нападков на «Буколики» и «Энеиду». Гораций в своих сатирах полемизировал с продолжателями Луцилия, эпигонами древней римской поэзии. Кружок Мецената повел на своих противников победоносное наступление. Десятая сатира Горация издана в 35 г. до н.э. В 29 г. до н.э. Вергилий читает возвратившемуся в Рим Августу свои «Георгики», в том же году во время триумфа Августа поставлена трагедия Вария «Фиест». В 23 г. до н.э. изданы Оды Горация. Спустя четыре года умирает, не закончив свою «Энеиду», Вергилий, но по приказу Августа Варий издает поэму в том виде, в каком ее оставил автор. Имперская поэзия добилась абсолютного триумфа.

Основной темой поэтов кружка Мецената становится воля к созиданию империи, своеобразная имперская миссия, обусловленная расовой особенностью римлян. По существу, характер этой миссии достаточно явственно определен в «Энеиде» Вергилия.

Историческим фоном этой эпической поэмы является грандиозный рост римского государства. В перманентной войне созидались границы ослепительной Империи. Сам факт появления имперского государства сверхисторичен, он необъясним с позиции линейной хронологии, констатирующей лишь фрагменты профанического времени. Безусловно прав Ю. Эвола, писавший, что «Рим одновременно был и материальной, и духовной реальностью, идеальным сверкающим целым» (Ю. Эвола. «Языческий империализм»). Возникновение Империи коренится в Мифе, как первоначальном Откровении, куда восходят корни расового сознания, сакральности и понимания высшего предназначения. История вне мифологического обоснования обречена стать тем, чем она стала в наше время: механическим нагромождением фактов и схоластическими интерпретациями историков. Мифологическим обоснованием римской истории стала концепция троянского происхождения римлян. Этот нордический по сути миф был отправной точкой поэмы Вергилия.

Мотив пребывания Энея в Италии мы встречаем уже у греческого лирика VI в. до н.э. Стесихора. Греческие историки Гелланик, Тимей, Дионий Галикарнасский развивали тему связи Рима с троянскими переселенцами. Римские историки и эпические писатели также отдали дань данному мотиву (Невий, Энний, Катон Старший, Варрон, Тит Ливий).

Троя – парадоксальна. Потерпев поражение в войне с ахейцами, она утвердила Империю царственного пурпура и величественных фасций. Так благородный аристократ, бесстрашный воин, погибнув на поле боя, парадоксальным образом становится победителем. Суть здесь вовсе не в моральной победе, которая вообще не может состояться, а в некоем высшем предназначении, ведомом только богам. По схожему историческому случаю, но уже в XX в. жрица и замечательная поэтесса Савитри Деви скажет: «Нам нечего терять, но дать мы можем все...»

Эней безусловно герой Рока. Он следует исключительно повелениям предков. Он проникается осознанием своей миссии, предсказанной ему в загробном мире Анхизом.

Римлянин! Ты научись народами

править державно –

В этом искусство твое –

налагать условия мира,

Милость покорным являть и

смирять войною надменных!

(6, 851-853)

Воля Энея не имеет границ. Стремление к безудержной экспансии заставляет его отвергать все «человеческое, слишком человеческое». Эта воля продиктована прежде всего голосом Крови. Пространство, территория, почва – лишь средство нордического самоутверждения. В этом смысле Эней – герой белой расы.

Имперским великолепием проникнута почти вся четвертая книга «Элегий» Секста Проперция. В первой элегии, как бы претворяющей эту книгу, Проперций, подобно гиду, показывает своему спутнику достопримечательности Рима. В патриотическом порыве он поет величественный гимн Отчеству. Идея Проперция кристаллически ясна. Рим смог утвердить свое могущество только после прихода туда троянцев:

Римляне, имя свое получили от города Рима,

Но не стыдятся они крови волчицы своей.

Счастье, что ты привела сюда своих, Троя, Пенатов:

Видно, дарданский корабль вещая птица вела

(4; 1)

Вне всякого сомнения имперский мотив присущ также поэзии Горация. В «Оде к римскому народу» он демонстрирует метафизический аспект имперского строительства. Империя возможна лишь в том случае, если всей своей сутью она коренится в Традиции, культе, почитании родных богов.

Да, Рим – владыка, если богов почтит;

От них начало, в них и конец найдет.

За нерадение боги много

Бед посылают отчизне горькой.

(3; 6)

Возведение имперской государственности предполагает покорение пространства. Усмиренное, оно более не вызывает тревоги. Огромный мир теряет враждебность будучи покорен римскому порядку, подобно Древнему Хаосу, преобразованному в божественный Космос.

Вселяя страх, он пусть простирает власть

До границ дальних, где отделяется

Водой от Африки Европа,

Воздувшись, где Нил орошает пашни.

(3; 3)

Поэзия Горация принципиально антидемократична. Толпа, чернь вызывает у поэта

естественное отвращение. Империя не создается по народной прихоти. Верность, честь, доблесть – вот единственный имперский фундамент.

Падений жалких в жизни не ведая,

Сияет Доблесть славой немеркнущей

И не приемлет и не слагает

Власти, по прихоти толп народных.

(3; 2)

Чернь, по мнению Горация, не способна ни на творчество, ни на глубокое религиозное понимание. Не к ней обращается поэт, а к молодым аристократам, потомкам тех, кому ведом вкус молока капитолийской волчицы.

Противна чернь мне, таинствам чуждая!

Уста смолкните! Ныне служитель муз,

Еще не слыханные песни

Девам и юношам запеваю.

(3; 1)

Созидание имперского пространства невозможно без его персоналистического воплощения, без принципа Вождя. Этот принцип приобрел у поэтов кружка Мецената не столько социально-политическое значение, сколько значение метафизическое, вполне соответствуя арийской традиции, утверждающей в земных вождях подобие солнечных божеств. Эту идею четко передает Вергилий в своей IV Эклоге «Буколик». В ней Август не только земной властелин, но и богоподобие, означающее начало Золотого Века, Сатурного Царства. Приход Вождя кладет конец инволюционной дисгармонии, разобщению, восстанавливает исконную расовую чистоту.

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,

сызнова ныне времен зачинается строй величавый,

Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.

Снова с высоких небес посылается новое племя.

К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену

Роду железному род Золотой на земле расселится.

(IV Эклога. Буколики)

Низшее само по себе не имеет онтологического смысла, оно обретает его только в Высшем. Низшее не имеет цели, оно обретает ее лишь в высшем целеполагании. Без вождя общественное бытие превращается в пустое количество и теряет качественные, расовые характеристики.

Образ вождя занимает прочное место и в «Одах» Горация. Власть Августа сравнивается им с властью Юпитера. Она – богоданная, земное воплощение Высшего Принципа.

О, Отец и страж ты людского рода,

Сын Сатурна! Рок поручил охрану

Цезаря тебе: пусть вторым он правит,

Царствуй ты первым.

(1; 12)

Подобно Юпитеру, победившему бунтующих Титанов, Август одерживает победу над хаосом гражданских войн. Гораций выражает уверенность в том, что Август будет причислен потомками к роду богов.

Искусство поэтов кружка Мецената не знало противоречий. Всем своим существом они осознавали то, что действительные ценности и любовь к жизни не могут быть противопоставлены друг другу. Субъект подлинной Традиции воспринимает мир как неисчерпаемую чашу наслаждений. Наслаждается земледелец, распахивая и засевая землю, наслаждается воин, убивая врага, наслаждается муж, сближаясь с той, что должна дать жизнь его детям. Так темой наслаждения насквозь проникнуты «Георгики» и «Буколики» Вергилия.

Основная тема «Буколик» наслаждение, доставляемое искусством пения.

Титир ты, лежа в тени

широковетвистого бука,

Новый пастуший напев сочиняешь

на тонкой свирели.

(Эклога 1, Буколики)

Темой «Георгик» становится воспевание труда земледельца. Труд воспринимается Вергилием как удовольствие, что к примеру отличает его от Гесиода, для которого труд был проклятием. Трудовая деятельность приобретает в творчестве Вергилия подлинно арийское значение. В арийской традиции труд воспринимается как мистерия, как акт божественного сотворчества, выходящего за рамки обыденной хозяйственной деятельности. В этом контексте становятся понятны слова Э. Юнгера: «Труд не знает никаких законов кроме своих собственных; он подобен огню, который поглощает и изменяет все, что горит, и спорить с ним в этом сможет только его же собственный принцип, только встречный огонь». (Э. Юнгер. Труд как образ жизни). При этом сама Земля, Почва становится у Вергилия источником наслаждения. Отношение земледельца к Земле приобретает явно выраженный эротический характер.

Аристократический гедонизм присущ и творчеству Секста Проперция. Богов, пребывающих в безграничном океане наслаждения, не могут оскорбить утехи их почитателей. Отсюда уверенность Проперция:

Будут, наверное, нас потомки хвалить по заслугам:

Кубки наших пиров не оскорбляли богов.

Что ж! Покуда жива, наслаждайся жизнью беспечно:

Все поцелуи отдав, все ж ты мало их дашь.

(Элегии 2; XV)

Великолепие стиля, грандиозность тем, глубокое проникновение в мир Традиции – вот характерные черты поэзии кружка Мецената. Творчество его членов всей своей сутью являло величественный синтез поэзии и воли к имперскому созиданию. Будучи фактически социальным заказом, эта поэзия сам, по существу, ваяла римскую государственность.

Нам же, русским поэтам в эпоху очередной смуты, смуты не только политической, но и во многом творческой, стоит обратить свой взор на величественное наследие римлян. Возможность эта может быть осуществлена лишь при условии отсутствия ностальгии и сожаления о прошлом. Для нас не должно существовать прошлого, ибо ничто настоящее НЕ ПРОХОДИТ. Всегда есть и всегда будет живая связь великолепного Наследия и достойных Наследников.